

Марко Рудневич Зеленград

*Моей стране
И тем, кто в ней остался,
Посвящается*

Глава 1 Кефир

Судьба стучится в двери по-разному. В моем случае она постучалась в виде кефира.

Вечером я сидел в своей комнате, а точнее, валялся на диване, никого не трогал, пива не пил, хотя была суббота, и выпить можно было, но отчего-то не хотелось. Я не пошел с Валиком и Мамонтом в сауну, они обиделись, но настроения не было никакого, так что я лежал на диване и просто тупил в телефон. Раздался легкий стук, и заглянула мамка. Она всегда стучит, прежде чем войти, причем не я ее к этому приучил, это она сама, такая у меня понятливая мама.

— Богдасенька, — говорит, — есть проблема.

Поднимаю глаза и по виноватому виду вижу, что хочет мама меня напярчь.

— Нужен кефир, зайчик. Ты не сходишь в

«Санта-Марию»? Сама не могу, видишь, я после душа.

Вижу, что на голове у нее действительно полотенце.

— И зачем тебе кефир на ночь глядя?

Смотрит жалостливо, но в то же время хитро.

— Да вот захотелось, не могу. Нет, конечно, если тебе совсем в лом, я потерплю.

Что тут скажешь? Когда тебе двадцать пять лет, а ты живешь с мамой в сраной двушке на районе, как можно ей отказать? Ответ напрашивается сам собой — никак.

— Что, вот так тебе кефира хочется?

Губки бантиком, кивает. Кто-то скажет, что такие отношения с матерью в моем возрасте не есть норма. Ради девушки, к примеру, еще можно все бросить и попереться ночью за кефиром, но ради мамки — это уже перебор. Пусть так, и я мягкотелый, но ей отказать не могу. Никогда не мог, может быть, потому что она одна меня вырастила, и живем мы в сраной двушке, а может потому, что мать сама по себе классная тетка и умеет добиваться своего.

Как бы то ни было, я встал с дивана и пошел за кефиром.

Вот тут так и хочется сказать: «а в это время на другом конце галактики...» Впрочем, это не будет таким уж большим преувеличением. То, что

двигалось мне навстречу на скорости сто сорок километров в час, несмотря на то, что по нашим дорогам на такой скорости можно передвигаться разве что на воздушной подушке, определенно, обитало на другом конце галактики. Оно было из иного мира, бесконечно далекого от моего города и от моей жизни. Тем не менее, оно приближалось и приближалось неумолимо. Я купил в «Санта-Марии» 2,5 процентный кефир для мамки, и собрался уже перейти дорогу, чтобы вернуться на свой диван. Я поставил ногу на проезжую часть, когда услышал тревожный звук. Большинству людей звук сирены вообще неприятен, особенно если он пронзает мирную ночь на твоём районе, а ты оказываешься с ним один на один в сланцах и с кефиром в руках. Я повернул голову и увидел, как по дороге мне навстречу несется кортеж. Едет быстро, и помимо сирены его движение сопровождается шелестом, который издают только очень дорогие покрышки на очень дорогих автомобилях. Можете мне поверить, уж я-то разбираюсь в подобных вещах.

Кортеж пронесся мимо, уверенно двигаясь по своей кромке галактики, даже не заметив, что на пути ему попался какой-то зачуханный городок Смела. Я проводил его взглядом, и ступил на изрядно затертую зебру пешеходного перехода. Я всегда стараюсь переходить дорогу в положенных

местах, особенно если они расположены прямо перед моим подъездом. Я шел и все еще смотрел туда, где скрылся в ночи кортеж президента Бориса Зельмана. Я воспринимал его как цельное явление, потому-то их и не заметил. А они, уж конечно, не заметили меня. Отставший от кортежа джип сопровождения вынырнул черной птицей из неоткуда и чуть задел меня правым крылом. Успей я сделать хоть полшага вперед, от меня не осталось бы ничего, кроме кучи переломанных костей и груды раскученного мяса, но я не успел. Последнее, что я запомнил в тот момент, был бешеный визг тормозов и пакет кефира, взлетевший в воздух, как футбольный мяч.

Я очнулся и первое, что почувствовал — лежать жестко. Потом через серые тени проступили некие очертания, но в целом мир так и не обрел определенности. За окном стояла ночь. В голове были странные ощущения, как будто там плавало и билось о стенки нечто твердое, и каждое прикосновение этого твердого сгустка причиняло жуткую боль. Я лежал на неудобной кровати в какой-то комнате и не мог пошевелиться. От руки вверх тянулась прозрачная трубка. Я скосил на нее глаза, что вызвало новый приступ боли, и понял: я в больнице. Вдруг в комнате вспыхнул яркий свет, пронзив мне веки раскаленными шампурами. Огненные всполохи сверкали целых полминуты,

прежде чем я разлепил глаза и увидел тетеньку в белой кофточке, усеянной веселыми мишками. Штаны у нее тоже были в мишках. Тетка мельком глянула на меня и стала возиться в ногах кровати, постукивая чем-то стеклянным.

— Что, оклемался? — спросила она, бросив на меня еще один быстрый взгляд. — Крепко тебе досталось, парень. Говорить-то можешь?

Я попробовал открыть рот, но не тут-то было. Губы склеивало что-то очень прочное. Я с трудом разодрал эту вязь, почувствовав во рту медный привкус.

— Могу, — сказал я, не узнав собственный голос.

— Хорошо, — улыбнулась тетка в мишках, — ничего, со временем все пройдет. Утром доктор придет. А ты пока мне телефончик дай, кому позвонить-то, а то у тебя при себе ничего не было. Лекарства понадобятся и вообще.

— Как зовут?

— Кого? — удивилась она.

— Вас как зовут?

— Надежда Паллна.

— Пишите телефон, Надежда Паллна. Но звоните уже утром, сейчас не надо.

— Хорошо, — легко согласилась она, — ты спи пока, я сама приду капельницу отключить.

Она записала телефон, подергала трубку,

идущую из моей руки, и ушла, погасив за собой свет. В дверях сказала кому-то: «Видела, какой хорошенький? Жалко, чуть инвалидом парня не сделали». Я только начал засыпать, напичканный лекарствами, в голове поплыли багровые озера, но, видимо, у Надежды Паллны утро начиналось не тогда, когда у всех нормальных людей. Они приперлись в полпятого. Валик и Мамонт ввалились в мою палату, дыша пивным перегаром, чуть не перевернули стойку с капельницей, пока искали выключатель, и уставились на меня.

— Ну ты, брат, даешь, — выдал, наконец, Валик.

— Чего вы так рано? Поспать не даете.

— Какой спать? — воскликнул Мамонт. — Ты только посмотри на себя, чувак, тебя как будто катком переехало! Ты больше не красавчик на рожу, понял, Бонь!

— Это был не каток, а кортеж.

— Да, нам уже рассказали, — увесисто кивнул Валик. — Тебя привезли охранники. Сунули санитаркам под нос какую-то ксиву, и свалили, сволочи!

— Хорошо хоть, на дороге не бросили, — тут я понял, что улыбаться мне тоже больно.

— Это да. Надо выяснить, кто это был, он реально нам должен.

Мамонт нетерпеливым жестом поправил

роговые очки и уткнулся в телефон. Пол лба его закрывала ровная черная челочка, и весил он килограммов сорок пять. Носил Мамонт всегда одно и то же: розовую сорочку, клетчатую жилетку и спортивны. Впрочем, оба моих лучших друга разнообразием вкусов в одежде не отличались. Валика я тоже не помню ни в чем другом, кроме спортивного костюма а-ля адидас. Правда, в отличие от могучего Мамонта, Валик весил добрую сотню и в зале тоже жал сотню минимум.

— О, глянь, тут пишут, что вчера в нашу область приезжал президент Зельман! — глаза Мамонта заблестели. — А вдруг это его кортеж тебя сбил? Если это так, вот реальный шанс подняться, ребзя!

Произнося эти слова, мой друг Мамонт и не представлял себе, насколько близки они к истине. Впрочем, ни один из нас тогда не представлял.

Они проторчали у меня еще с час, Валик даже умудрился захрапеть на свободной койке. Потом пообещали зайти к мамке, успокоить ее, насовали Надежде Паллне денег на лекарства, и отбыли, грохоча по коридору. У меня адски разболелась голова, и я решил, что лучшее, что я могу сделать в данной ситуации, это заснуть.

Говорят, что в момент смерти перед человеком проносится вся его жизнь. Проверить это утверждение на практике вчера ночью у меня не

получилось, но теперь, колыхаясь в цветных наплывах боли, я думал о разных вещах. Они то складывались в единую мозаику, то распадались на отдельные фрагменты. Я размышлял о случившемся, попутно вспоминая всякие моменты. Собственно, если бы не кефир, я спал бы дома на диване, а если бы не баптисты, не видать нам с Валиком и Мамонтом нашего СТО, как своих ушей. Никогда раньше толком не задумывался, насколько правильно мы тогда поступили, потому что мы всегда поступали так, как того требовали обстоятельства и законы джунглей.

Баптисты тоже не всегда были баптистами. Просто некоторые чуханы из нашего города, известные поименно, вовремя просекли фишку. Они ударились в религию и примкнули к светлому американскому братству, готовому поддержать своих единоверцев материально. Соблюли все формальности, сколотили общину и запросили в Америке бабла, как изнемогающие в жестоких условиях нецивилизованной страны Рось. И что самое удивительное, им это бабло дали. Они скоренько открыли на него одну кофейню, потом другую, а после затеяли историю с этим СТО.

Валик всегда был подорванный, он и втянув всех в эту заваруху. Мамонт у нас по жизни нервный, ни на миг не расстается с обоюдоострой выкидухой. Но по-настоящему подорванный, я

имею в виду, на всю голову, у нас один Валик, несмотря на то, что по большей части он выглядит, как добрый слон на индийских плантациях. У Мамонта комплекс Наполеона, он берет яростью. Чтобы ее тушить, ему нужно за кем-то следовать, и этим кем-то оказался Валик.

Когда баптисты открыли свое СТО, мы с пацанами пришли к ним и сказали, что на районе трут о том, что кое-кому нужна крыша. Мы не были бандитами, скорее расторопными молодыми ребятами с предпринимательской жилкой, и вежливо предложили компетентные услуги. В первый раз баптисты послали нас далеко и надолго, заявив, что никакая крыша им не нужна, они и сами с крышей. На следующую ночь через забор к ним прилетел коктейль Молотова, наделав много шума и убив собаку. Баптисты опять отказались от наших услуг. Через неделю история повторилась, только коктейлей было уже четыре и к утру из-за черных разводов на стенах и покореженных ворот СТО приобрело зловещий вид. Баптисты снова отказались. Все попытки с их стороны найти на нас управу ни к чему не привели. Они откапывали каких-то дяденек, те приходили беседовать, но пацанва на районе встала стеной. Многим из них тоже не нравилась торговля духовными ценностями.

Когда посреди рабочего дня на стотысячный,

почти новый мерс хлопнулась зажигалка, разворотив крышу, баптисты сдались. Они не смогли полюбовно уладить проблему с владельцем мерса, известным в городе персонажем, который по счастливой случайности оказался знакомым Мамонтова крестного. Однако условия сделки к тому времени уже изменились. Им пришлось не нанять нас на работу, как планировалось вначале, а продать свой бизнес. Мы подошли к делу с умом. Где надо, поделились, где надо, огрызнулись, и в итоге сошлись в цене. Мы с Валиком и Мамонтом стали полноправными владельцами СТО. Перекрасили стены, починили ворота, позвали еще двух пацанов с района, и принялись за дело. Почти год проработали вхолостую, но постепенно дело наладилось.

А теперь я лежал на неудобной кровати в районной больнице и мучился от боли в попытках заснуть.

В девять часов утра пришел врач. К тому времени Надежда Паллна забегала уже два раза, интересовалась, как у меня дела, из чего я сделал вывод, что Валик с перепугу дал ей столько денег, что бедная не знала, куда себя деть. Врач был небритый и выглядел устало. Он посмотрел в листочки, которые держал в руках, потом на меня, потом опять в листочки и сказал:

— Ну что, молодой человек, как это вас